

ОБРАЗ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В ТАТАРСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© Ильназ Фазлутдинов

THE IMAGE OF YEMELYAN PUGACHEV IN TATAR HISTORICAL FOLKLORE

Ilnaz Fazludinov

This article examines samples of the Tatars' non-fairy tale prose, which reflects the historical figure of the popular uprising leader in the Urals and the Volga Region, Yemelyan Pugachev. The author summarizes the popular assessment of the Peasant War leader's actions, found in the historical tales of the Tatars from the republics of Bashkortostan, Tatarstan and other regions of Russia. Based on the analyzed sources, it is possible to obtain valuable information about those socio-political clashes that have left deep traces in the worldview and psychology of the local population. The relevance of the research topic is due to the need to understand the role of one of the key personalities for the Bashkortostan Tatars, Yemelyan Pugachev, as well as the need to replenish the knowledge about the local history specifics and the national policy of the tsarist government. The object of the study is the Tatar people's historical tales about uprisings and riots. The subject of the study is the image of Yemelyan Pugachev in Tatar historical tales. The purpose of the work is to identify the features reflecting the image of Yemelyan Pugachev in Tatar tales and the prerequisites that form the basis of the popular assessment of this hero's deeds. The objectives of the article are to review historical tales about popular uprisings, unrest and riots and their leader, to identify the specifics, reflecting people's indignation based on the transformation of the dissenter's image, an opponent of state power in the oral folk art of the Tatars living in various regions of Russia, in particular in the Volga Region and the Urals. The article concludes that despite the strengths and weaknesses of Yemelyan Pugachev's personality, the people portray him with respect, recognizing his strength and charisma, but they are in no hurry to take the "oath of allegiance"; at the same time, through the description of everyday events, he reveals himself, first of all, as a Person.

Keywords: historical tale, Emelyan Pugachev, national uprising, peasant war, Tatar folklore

В данной статье автор рассматривает образцы несказочной прозы татар, в которой отражается историческая фигура руководителя народных восстаний на Урале и в Поволжье Емельяна Пугачева. Автор резюмирует народную оценку действиям предводителя Крестьянской войны, приведенную в исторических преданиях татар республик Башкортостан, Татарстан и других регионов России. На основании проанализированных источников можно получить ценные сведения о тех социально-политических столкновениях, которые оставили глубокие следы в мировоззрении и психологии местного населения. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления роли одной из ключевых для татар Башкортостана персоны Емельяна Пугачева, а также потребностью в восполнении знаний о специфике местной истории и национальной политике царского правительства. Объект исследования – исторические предания татарского народа о восстаниях и бунтах. Предмет исследования – образ Емельяна Пугачева в татарских исторических преданиях. Цель работы – выявить особенности отражения образа Емельяна Пугачева в татарских преданиях и предпосылки, составляющие основу народной оценки деятельности названного героя. Задачи статьи – обзор исторических преданий о народных восстаниях, волнениях и бунтах и их предводителе, выявление специфики отражения народного негодования на примере трансформации образа несогласного, противника государственной власти в устном народном творчестве татар, проживающих в различных регионах России, в частности в Поволжье и Приуралье. Автор приходит к выводу, что, несмотря на достоинства и недостатки личности Емельяна Пугачева, народ изображает его с уважением, признавая силу и харизму, однако дать «присягу в верноподданстве» не спешит, в то же время сквозь описание бытовых событий он раскрывается прежде всего как Человек.

Ключевые слова: историческое предание, Емельян Пугачев, народное восстание, крестьянская война, татарский фольклор

Для цитирования: Фазлутдинов И. Образ Емельяна Пугачева в татарском историческом фольклоре // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 214–219. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-214-219

Емельян Иванович Пугачев – известная историческая личность, предводитель Крестьянской войны и народного восстания 1773–1775 гг. Выдав себя за покойного царя Петра III, то есть будучи самозванцем, он сумел поднять и возглавить народное волнение. Под его предводительством в 1773–1775 гг. были охвачены народным бунтом Приуралье и Поволжье. Причин для восстания было много. К этому времени рабочий класс оказался в бесправном положении, эксплуатация государственных крестьян возросла до небывалых с петровского времени размеров, стали неподъемными повинности. Тяжелое положение крестьян усугублялось произволом помещиков. Эти и не только причины способствовали созреванию недовольства среди простого народа, который уже был готов присоединиться к бунту.

Крестьянскому восстанию под предводительством Емельяна Пугачева в XVIII в., в котором участвовали русские, татары, башкиры, чуваша и другие народы Поволжья и Урала, посвящены многочисленные предания, исторические песни, легенды, байты. Эти события отражались во многих жанрах фольклора у всех перечисленных выше народов.

Народ создал образ Пугачева на уровне своего миропонимания. Основное содержание преданий – рассказы о расправе пугачевцев над помещиками. Сюжеты этих преданий схожи, сложились устойчивые мотивы, которые часто повторяются, переходя из одного произведения в другое.

Крестьянский мятеж под руководством Емельяна Пугачева исследован в многочисленных исторических трудах. Если в работах дореволюционных историков Пугачевское движение и действия восставших описывались и оценивались исключительно негативно, то в советский период в исторической литературе преобладала положительная оценка. Одним из первых историю Пугачевского бунта изучал А. С. Пушкин.

История Пугачевского движения исследована в фундаментальной коллективной монографии «Крестьянская война в России 1773–1775 годов» (в трех томах) под общей редакцией советского историка В. В. Мавродина.

Образ Пугачева достаточно изучен в русской фольклористике. В 1935 г. издан сборник «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», который пол-

ностью посвящен предводителям бунтов – Пугачеву и Разину [1]. В сборнике представлены русские и в переводе на русский язык мордовские, чувашские, башкирские, татарские, удмуртские и уральских казаков народные предания и исторические песни. Первое из трех, представленных в сборнике, татарское предание записано в деревне Средняя Елюзань Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне Городищенский район Пензенской области) А. Николаевым от Абурахмана Хабибулина Усманова. Указанный в источнике информант являлся современником Пугачевского восстания, однако данные о нем искажены: некорректно зафиксированы фамилия и отчество. Предание было опубликовано в 1860 г. [2]. Следующие два текста изложены на основании материалов, собранных казанским купцом Мухаметзяном Аитовым и изданных 1912 г. в журнале «Шура». Эти же предания, записанные М. Аитовым у своего отца, были опубликованы в сборнике трудов К. Насыри только в 1926 г. В небольшом предисловии К. Насыри, отмечая, что предания о Пугачеве очень популярны в народе, пишет, что эти образцы были записаны М. Аитовым у своего отца дословно, как тот их услышал, и им переписаны без изменений [3, с. 19].

Часть преданий была зафиксирована до революции и дошла до наших дней в записях и печатных изданиях. Предания о пугачевском восстании изданы в 1850 г. Н. С. Ивановым [4, с. 21–25]. В 1915 г. в журнале «Шура» было опубликовано предание «Дед Бикчантай», посвященное Пугачеву [5, с. 2–3].

В сборнике «Древняя татарская литература» опубликовано предание, которое было переписано М. Гали со старинной рукописи [6, с. 431].

Опубликованный впервые в 1938 г. в хрестоматии по татарской литературе и перепечатанный в сборнике «Древняя татарская литература» текст предания уникален тем, что создан по сказочным мотивам [Там же, с. 436].

В татарской фольклористике Пугачеву посвящены также исторические песни и байты.

Исторические предания о народных восстаниях исследованы С. М. Гилязутдиновым, И. К. Фазлутдиновым, есть упоминания об этих преданиях и в статьях С. З. Мухаматнурова, Н. Ф. Ибрагимова.

В татарском фольклоре образ Пугачева раскрывается как образ справедливого царя или

бунтаря-самозванца, праведника или преступника. Каждый, исходя из собственного социального положения, видел в нем защитника, предводителя и освободителя или врага.

Ни один народ, представители которого принимали активное участие в Пугачевском бунте или лицемерили этого человека, не оставался к нему и его темпераменту равнодушным. Для одних он был справедливым царем, о котором мечтали все подневольные и который олицетворял спасение от гнета, для других – злодеем, посягнувшим на их благополучие.

На противоречивость образа обращает внимание и А. С. Пушкин. В своей книге «История пугачевского бунта» он отмечает:

«Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства» [7].

Источники свидетельствуют об уважительном отношении простого народа к Пугачеву. Даже после подавления восстания народ отзывался о нем только положительно. «Грех сказать, говорила мне восьмидесятилетняя казачка, – пишет Пушкин в примечаниях к «Истории пугачевского бунта», – на него мы не жалуемся, он нам зла не сделал» [Там же].

Народ видел в нем своего освободителя. С. З. Мухаматнуров пишет, что в татарских преданиях он освещается как заступник за бедных и воплощен в образе мужественного и справедливого царя-батюшки, защищающего правое дело [8, с. 95]. Такое отношение наблюдается в исторических преданиях и других народов. Например, исследуя образ Пугачева в русских преданиях и чувашском фольклоре соответственно, А. Н. Лозанова и В. Н. Никольский пишут, что «он являлся к богатым, требовал у них хлеба и денег, то и другое беднякам» [1], [9, с. 602], то есть в народном сознании образ предводителя крестьянского восстания не сильно отличается от образа благородного разбойника.

С. М. Гилязутдинов отмечает, что среди преданий о пугачевских битвах «есть как объемные произведения, описывающие деятельность таких личностей, как Бахтияр Канкаев, Рахманкул Дуслиев, Салават и др.; такие важнейшие события, как осада Оренбурга, взятие Казани, так и дающие краткую информацию о местах сражений восставших с правительственным войском» [10, с. 78].

При исследовании татарских преданий обращает на себя внимание тот факт, что исторические события и исторические личности описы-

ваются главным образом без субъективной оценки информанта. А. Н. Лозанова в примечаниях к татарским преданиям, включенным в сборник «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», также отмечает, что «в преданиях татар (№ 29 и 30) не встречаем той яркой политической заостренности, которую видим, например, в башкирских, мордовских преданиях» [1, с. 397]. Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что тюрки, в том числе татарский народ, верили в то, что любой правитель является избранником бога и что Всевышний посылает его в зависимости от действий или грехов народа. Во многих преданиях сохранились отзвуки веры людей в то, что герой является Петром III, из-за которой они поддерживали Пугачева и считали свое участие в восстании знаком верности законному царю, расценивали это как помощь в возвращении отнятого у него престола. В предании «Рассказ о Пугачеве» рассказывается о том, что, когда «Пугачев по всему Яику принимает известность под именем Петра Федоровича», со всех близлежащих селений к нему начинает прибывать народ [Там же, с. 218].

Предание «Рассказ о Пугачеве» состоит из нескольких мотивов. В первой части рассказывается о том, как возник слух, что Пугачев – это не Пугачев, а царь Петр Федорович:

«Это было во времена кончины царя Петра Федоровича. Но среди народа ходили слухи о том, что он жив, не умер, что он скрывается. Однажды какой-то старый казак спросил Пугачева: „Не Петр ли Федорович ты?“ Пугачев моментально ответил, предупредив: „Однако, дед, об этом никому не говори“. После этого случая старый казак втихомолку начал говорить каждому: „Смотри, не будь радивым, вот он, Петр Федорович!“» [1, с. 218].

Распространению этих слухов способствовал сам Пугачев и его соратники. В каждом указе Пугачев напоминал о своем статусе «Великий государь и над цари царь и достойной император Петр Федорович», «государь и великая светлость император российский, царь Петр Федорович» [11, с. 23–52]. Время от времени в указах напоминали «А что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте» [Там же].

На этой основе и была разработана биография Петра III – Пугачева, которая состояла из действительных фактов о Пугачеве и традиционных мотивов преданий.

Вторая часть предания рассказывает об осаде Пугачевым Оренбурга. Это событие описывается через состояние осажденного населения, которое «до того изголодалось, что ели разбросанные

около кузницы куски, выскобленные при ковке лошадей из-под копыт» [3, с. 130], [1, с. 219].

В третьей части предания сообщается, что после Оренбурга «Пугачев пошел занять Казань» [3, с. 130], [1, с. 219].

Несмотря на то что информант только рассказывает о фактах и никак их не комментирует, есть несколько эпизодов, которые позволяют самим слушателям делать умозаключения о пугачевцах: беспорядок – открывших по ним огонь пугачевцы приняли за прибывших на помощь; жестокость – деда-информанта только из-за сомнения в том, сможет ли Пугачев завоевать Казань, хотели предать мученической смерти; мародерство – пугачевцы, ограбив склад деда-информанта, из добытых у последнего овчин соорудили мост, чтобы переправить свои войска через реку Яик. Все эти эпизоды и факты, описанные в тексте, не способствуют созданию положительного образа.

Во втором предании – «События, увиденные самим отцом» – М. Аитовым записаны воспоминания его отца о попытке завоевания Казани Пугачевым и разгроме его войска. Информант восстанавливает все события по рассказам отца, которому в то время было десять лет. По рассказу отца М. Аитова, народ, встречая пугачевцев хлебом и солью, все же дать «присягу в верноподданстве» не спешит. Им в течение нескольких дней несколько раз «предлагают пойти к их батюшке и дать присягу в верноподданстве» [12, с. 86], [1].

«Старик Ибрагим заявил народу: „Теперь делать нечего“. Вооружив и посадив на коней семнадцать человек и повязав на правые руки синие тряпки – знаки пугачевцев, <...> направились они на Арское поле» [1].

Однако позднее эти же люди были вынуждены стремительно присоединиться к отрядам Михельсона.

Пугачевское восстание оставляет в городе большие разрушения, точнее руины, о чем и упоминается в предании:

«В этом году прибытия Пугачева в Казань, то есть в 1774-м, Пугачев долга сжег и разрушил Казань. До прихода Пугачева вокруг крепости было несколько башен („минаретов“), они им разрушены» [1], [12, с. 87].

В рассмотренных преданиях информанты – отец и сын купцы Аитовы – не являются сторонниками Пугачева. Но в то же время, объективно описывая восстание, они не стараются бесславить или унижать предводителя и восставших.

В предании «О Пугачеве, который хотел стать повелителем», переписанном со старинной рукописи, рассказывается, что пугачевцы с 25 мая по 26 июля 1774 г. создали временный лагерь около деревни. Текст сохранил исторические сведения об оружии восставших: «У каждого есть оружие: дубины, копыя, косы, у некоторых – ружья, сабли», об их отличительном знаке – «На правой руке выше локтя были повязаны синие тряпки» [6, с. 431].

Упоминание об этом знаке есть и в предыдущем предании.

Предание заканчивается сообщением, что в Казани Пугачев был задержан генералом Михельсоном. Только последнее предложение выдает сопереживание предводителю восстания: «У Пугачева промежуток жизни – это всего 54 дня, когда они стояли на нашем поле» [Там же].

В татарских исторических преданиях в основном прослеживается сопереживание Пугачеву. Предание «Сказ о Пугачеве» по своей структуре напоминает волшебную сказку, имеет традиционный зачин, кульминацию и развязку [Там же, с. 436]. Сам образ Емельяна Пугачева здесь преподносится как пропитанный духом авантюризма и протестными настроениями, жаждущий справедливости и возмездия. Логическим завершением предания становится ключевая мысль о том, что народ не забыл славу Пугача несмотря на то, что тот пал жертвой царских войск.

В исторических песнях народ сопереживает пугачевскому движению, величает его предводителя царем:

«Пугачев патша бар дилэр,
Постау бишмэтлэре тар дилэр». –
«Говорят, что есть царь Пугачев,
Говорят, что плисовый бешмет ему мал» (здесь и далее перевод наш. – И. Ф.);
«Пугачев патшаны күрсэн иден,
Алларыннан буй бегеп узса иден». –
«Увидеть бы царя Пугачева,
Пройти бы перед ним с поклоном».

Предания представляют ценность не только в художественном, но и в историческом отношении как отображение исторических событий в народном сознании.

После Пугачевского бунта все, что связано с этими событиями, находилось под запретом. Он же касался и фольклора, нельзя было упоминать даже имя этого человека. Несмотря на это, народ сумел сохранить предания и песни о бунте и его предводителе. Нужно сказать, что более поздние образцы фольклора, связанного с пугачевскими восстаниями, в основном посвящены истории

возникновения топонимов, например предание «Гонцы Пугачева» [12, с. 87].

В преданиях указываются причины бунта, в основном это тяжелая жизнь простых людей. Предания сохраняют дух тех событий, которые пронесли через века состояние и судьбу народов Поволжья, большую часть из которых составляли татары.

Исторические предания и песни сохранили образ Емельяна Пугачева. Если в одних преданиях Пугачев является заступником, защищающим интересы простого народа, справедливым правителем, то в других он изображается самозванцем, преступником. В то же время в преданиях татарский народ очень осторожно подходит к его идентификации.

В татарском фольклоре образ Емельяна Пугачева является довольно противоречивым. Однако, несмотря на достоинства и недостатки данной личности, народ изображает его с уважением, признавая силу и харизму, в то же время сквозь описание бытовых событий он раскрывается прежде всего как Человек, как личность, способная на гуманные поступки. Исследование исторических преданий, посвященных пугачевским событиям и народным волнениям, в целом может восполнить пробелы в изучении истории народов Волго-Уралья, внести существенные штрихи в формирование образов ключевых личностей разных эпох и позволяет дать объективную оценку государственной политике, проводимой в национальных регионах России.

Список источников

1. Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, ред. и прим. А. Н. Лозановой. М.-Л.: Academia, 1935. 418 с. URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/fb2/pesni-i-skazaniya-o-razine-i-pugacheve_RuLit_Me_380213.fb2.zip#2 (дата обращения: 06.05.2024).
2. Саратовские губернские ведомости. 1860. № 14 (2 апр.) URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012614701?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 08.04.2024).
3. Казан тарихы турында (Халык сөйләве буенча) / Тәварих Казан. Бәет шәһре Казан. Аксак Каратун, Пугачау һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр / жьючы К. Насыйри. Моңарчы басылмаган эсәрләр һәм 100 еллык бәйрәм материаллары. Казан: Татдәүнәш, 1926. Б. 19–30.
4. Иванов Н. С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // СПб. Ч. 29. 1850. С. 21–25.
5. Бикчәнтәй бабай: Пугач хакында Каргалы легендасы / Язып алучы Сәгыйдә З. // Шура. 1915. № 12. Б. 2–3.
6. Древняя татарская литература (на татарском языке) // СССР Фәннәр академиясе Казан филиалы

Тел, әдәбият һәм тарих институты. Казан: Татарстан китап нәшрияты. 1963. Б. 431–436.

7. Пушкин А. С. История Пугачевского бунта. М.: Издательство АСТ, 2023. 288 с. Примечания № 73, № 128.

8. Мухаматнуров С. З. Изображение исторических личностей в преданиях // Поэтика татарского фольклора. Сборник статей / Составитель и отв. редактор Х. Ш. Махмутов. Казань. 1991. С. 93.

9. Никольский Н. В. Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. 1911. Вып. 6. Т. XXVI. С. 602.

10. Гыйләжәтдинов С. М. Крестьян чыгышлары турында татар тарихи риваятьләре (XVI йөзнен икенче яртысы – XVIII йөзләр) // Борынгы татар фольклоры мәсьәләләре. Казан, 1984. Б. 77–80.

11. Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / кол. авт. Академия наук СССР, Институт истории СССР, Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Центральный государственный архив древних актов; сост. А. И. Аксенов, Р. В. Овчинников, М. Ф. Прохоров. М.: Наука, 1975. 523 с.

12. Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С. М. Гыйләжәтдинов; фәнни редакторы Х. Ш. Мәхмүтов. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987. Б. 87.

Библиографический список

1. Ибрагимов Н. Ф. Образ благородного разбойника в татарских преданиях // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976. С. 98–100.
2. Мавродин В. В. Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. I / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 588 с.
3. Мавродин В. В. Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. II / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. 512 с.
4. Мавродин В. В. Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. III / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. 488 с.
5. Соколова В. К. Русские исторические предания // Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1970. 286 с.
6. Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татар. китап. нәшр., 1984. 1 т. 567 б.
7. Фазлетдинов И. К. Тарих кайтавазы – риваять. XVI–XIX гасырлардагы зур тарихи вакыйгаларның Башкортстан татарлары риваятьләрендә чагылышы: уку кулланмасы / жаваплы мөхәррир Ә. М. Сөләйманов. Уфа: БДУ нәшрияты, 2007. 111 б.

References

1. *Pesni i skazaniya o Razine i Pugacheve* (1935) [Songs and Tales about Razin and Pugachev]. Vstup. stat'ya, red. i prim. A. N. Lozanovoi. 418 p. Moscow-Leningrad, Academia, URL: <https://www.rulit.me/data/>

programs/resources/fb2/pesni-i-skazaniya-o-razine-i-pugacheve_RuLit_Me_380213.fb2.zip#2 (accessed: 06.05.2024). (In Russian)

2. *Saratovskie gubernskie vedomosti* (1860) [Saratov Provincial Gazette]. No. 14 (2 apr.) URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BI_BL_A_012614701?page=1&rotate=0&theme=white (accessed: 08.04.2024). (In Russian)

3. *Kazan tarikhı turynda (Khalyk söläve buencha)* (1926) [About the History of Kazan (According to What People Have to Say)]. Təvarikh Kazan. Bəet shəhre Kazan. Aksak Karatun, Pugachau həm Ishbulat mulla khakynda rivayat'lər; жууучу К. Насыри. Моңарчу басылмagan әсәрләр həm 100 ellyk bəirəm materiallary. Pp. 19–30. Kazan, Tatdəynəsh. (In Tatar)

4. Ivanov, N. S. (1850). *Svedeniya o gorode Menzelinske i ego okruge* [Information about the City of Menzelinsk and Its District]. St. Petersburg. Ch. 29, pp. 21–25. (In Russian)

5. *Bikhəntəi babai: Pugach khakynda Kargaly legendsy* (1915) [Grandpa Bikhəntəi: The Legend of Kargaly about Pugach]. Yazyp aluchy Səgyidə Z. Shura. No. 12, pp. 2–3. (In Tatar)

6. *Drevnyaya tatarskaya literatura (na tatarskom yazyke)* (1963) [Ancient Tatar Literature (in Tatar)]. SSSR Fənnər akademiya Kazan filialy Tel, ədəbiyat həm tarikh instituty. Pp. 431–436. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı. (In Tatar)

7. Pushkin, A. S. (2023). *Istoriya Pugachevskogo bunta* [History of the Pugachevsky Rebellion]. 288 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Primechaniya No. 73, No. 128. (In Russian)

8. Mukhamaturov, S. Z. (1991). *Izobrazhenie istoricheskikh lichnostei v predaniyakh* [Images of Historical Figures in Legends]. Poetika tatarskogo fol'klora. Sbornik statei. Sostavitel' i otv. redaktor Kh. Sh. Makhmutov. P. 93. Kazan'. (In Russian)

9. Nikol'skii, N. V. (1911). *Kratkii konspekt po etnografii chuvash* [A Brief Synopsis of Chuvash Ethnography]. Izvestiya obshchestva arkeologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Vyp. 6. T. XXVI, p. 602. Kazan'. (In Russian)

10. Gyləjetdinov, S. M. (1984). *Krest'yan chygyshlary turynda tatar tarikhı rivayat'ləre (XVI iəzneı ikenche yartısy – XVIII iəzlər)* [Tatar Historical Legends about Peasant Origins (second half of the 16th–18th centuries)]. Boryngy tatar fol'klory məs'ələləre. Pp. 77–80. Kazan. (In Tatar)

11. *Dokumenty stavki E. I. Pugacheva, povstancheskikh vlastei i uchrezhdenii. 1773–1774 gg.* (1975) [Papers from E. I. Pugachev's HQ, Those of Rebel

Authorities and Institutions. 1773–1774]. Kol. avt. Akademiya nauk SSSR, Institut istorii SSSR, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR, Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov; sost. A. I. Aksenov, R. V. Ovchinnikov, M. F. Prokhorov. 523 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

12. *Tatar khalyk iəçaty. Rivayat'lər həm legendalar* (1987) [Creativity of the Tatar People. Myths and Legends]. Tomny təzyche, keresh məkalə həm iskərmələrne yazuchy S. M. Gyləjetdinov; fənni redaktory Kh. Sh. Məkhmytov. P. 87. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı. (In Tatar)

Bibliography

1. Ibragimov, N. F. (1976). *Obraz blagorodnogo razboinika v tatarskikh predaniya* [The Image of a Noble Robber in Tatar Tales]. Materialy IV konferentsii molodykh nauchnykh rabotnikov. Pp. 98–100. Kazan'. (In Russian)

2. Mavrodin, V. V. (1961) *Krest'yanskaya voina v Rossii 1773–1775 godov. Vosstanie Pugacheva*. [The Peasant War in Russia in 1773–1775. The Pugachev Uprising. Vol. I]. T. I. Otv. red. V. V. Mavrodin. 588 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

3. Mavrodin, V. V. (1966). *Krest'yanskaya voina v Rossii 1773–1775 godov. Vosstanie Pugacheva* [The Peasant War in Russia in 1773–1775. The Pugachev Uprising]. T. II. Otv. red. V. V. Mavrodin. 512 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

4. Mavrodin, V. V. (1970). *Krest'yanskaya voina v Rossii 1773–1775 godov. Vosstanie Pugacheva*. [The Peasant War in Russia in 1773–1775. The Pugachev Uprising]. T. III. Otv. red. V. V. Mavrodin. 488 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

5. Sokolova, V. K. (1970). *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian Historical Traditions]. V. K. Sokolova. Akademiya nauk SSSR, Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. 286 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

6. *Tatar ədəbiyatı tarikhı* (1984) [The History of Tatar Literature]. Tom 1. 567 p. Kazan, Tatar. kitap. nəshr. (In Tatar)

7. Fazletdinov, I. K. (2007). *Tarikh kaitavazy – rivayat'. XVI–XIX gasyrlardagy zur tarikhı vakyigalarnyñ Bashkortstan tatarlary rivayat'lərendə chagylyshy: uku kullannasy* [The Echo of History is a Tradition. Reflection of Major Historical Events of the 16th–19th Centuries in the Traditions of the Bashkortostan Tatars: a Text-book]. Жаваплы мөкхəррre Ə. M. Sələimanov. 111 p. Ufa, BDU nəshriyatı. (In Tatar)

The article was submitted on 15.05.2024

Поступила в редакцию 15.05.2024

Фазлутдинов Ильназ Ильдусович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fazl97@mail.ru

Fazlutdinov Ilnaz Ildusovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fazl97@mail.ru